

K 1352473

ee

Алморзак

БЭЛ

АВТОГРАФ

Литературно-художественный журнал

33

*Посвящается
Конгрессу экслибрисистов*

Вологда *K1352473*
2004

СОДЕРЖАНИЕ

КОНИ ЕРСС ЭКСЛИБРИСИСТОВ	3
В. Бакуменко	3
Знаки Д. Медведева и В. Леоненко	4
В. Воропанов	5
СТИХИ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ	6
Н. Бушенев, К. Павлов и др.	6
В МИРЕ РУБЦОВА	12
Рубцов и Пушкин	12
В. Бакуменко. Обзор	14
Андрей Грунтовский	15
КРИТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА	17
Г. Сазонов о «Лунинке»	17
Ю. Максин об А. Цыганове	18
Книжная полка	21
Условия подписки	21
КОРОТКАЯ ПРОЗА	22
Андрей Смолин	22
Вячеслав Белков	23
ГРАФИКА	25
Евгений Лебедев	25
Вспоминая В. Лукашова	27
Сергей Харламов	29
Евгений Терехов	30
Владимир Найденко	33
СТИХИ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ (2)	35

КРАСИВАЯ, ДРЕВНЕРУССКАЯ ВОЛОГДА ЖДЕТ ВАС

Совсем недавно группой энтузиастов была создана Российская ассоциация экслибриса Международного союза книголюбов. И вот новое содружество ценителей замечательного искусства книжного знака явилось инициатором и организатором 1-го Всероссийского конгресса экслибриса. Трудно переоценить это перспективное начинание. Очень хорошо, что 1-й Конгресс решено провести в Вологде, одном из крупнейших экслибрисных центров России с давних пор.

Широко пропагандирующий искусство экслибриса литературно-художественный журнал «Автограф» просто не может не откликнуться на такое важное событие в культурной жизни Вологды и России и посвящает специальный номер 1-му Всероссийскому конгрессу экслибриса, который состоится 16–19 сентября 2004 года в Вологодской областной картинной галерее.

Организаторы конгресса в своём информационном письме подробно изложили увлекательнейшую программу этого культурного события. Главная цель конгресса: показать достижения современных художников и искусство экслибриса прошлого, а также обсудить проблемы создания, изучения и распространения книжного знака.

В заключение несколько строк из обращения устроителей конгресса к участникам:

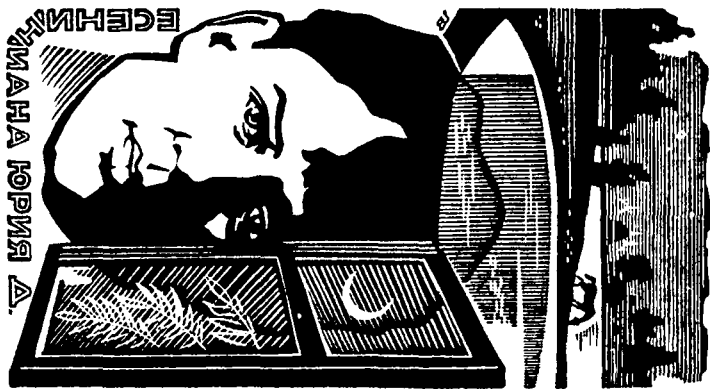
«Искусство книжного знака имеет многовековую историю: за это время экслибрис прошёл путь от простого оттиска владельческой печати до высокохудожественной миниатюрной гравюры, выполняемой выдающимися мастерами-графиками.

Возрастающий в мире интерес к искусству книжного знака, к творчеству графиков находит своё отражение в создании международных и национальных союзов и сообществ экслибриса; организации выставок, конференций и конкурсов; проведении исследований, публикациях книг, статей, каталогов.

Организаторы сделают всё возможное, чтобы конгресс экслибриса укрепил дух взаимопонимания и сотрудничества всех, кто интересуется искусством книжного знака.

Красивая, древнерусская Вологда ждёт Вас».

Виталий Бакуменко, Москва

Владимир ВОРОПАНОВ

ВСЕРОССИЙСКИЙ КОНГРЕСС ЭКСЛИБРИСИСТОВ

Книжные знаки, или художественно оформленные владельческие знаки читателей, любителей и собирателей книг, известны давно, еще с эпохи позднего Средневековья и Возрождения. Над их созданием работали самые известные художники-графики, стремясь в форме маленькой гравюрной миниатюры создать содержательный и выразительный образ интересов и увлечений владельца книги, представить свое время и непреходящую ценность чтения.

Проведение Первого всероссийского конгресса экслибрисистов, или художников и собирателей книжных знаков, в Вологде связано с изобразительными традициями города. Во всем мире знают гравюры малых форм художников нашей области: от Николая Дмитревского до Генриетты и Николая Бурмагиных, Анатолия Наговицына, Владислава Сергеева и Леонида Щетнева. Долгое время в Вологде работал клуб «Экслибрис», сегодня его традиции во многом продолжает Клуб коллекционеров. Признанным исследователем книжного знака стал директор Вологодской картинной галереи Семен Ивенский. Сегодня в фондах галереи находится одна из лучших музейных коллекций экслибриса.

Ассоциация экслибрисистов России была создана в 2003 году. Ее организаторами стали московские художники и коллекционеры Владимир Беликов, Владимир Лобурев, Михаил Верхоланцев, коллекционер и исследователь книжного знака из Санкт-Петербурга Вениамин Худолей. Вологду представляют Владимир Воропанов, Сергей Птухин и Леонид Щетнев. Уже сейчас в картинную галерею приходят бандероли с материалами для выставки буквально из всех регионов страны.

В последние годы в силу разных обстоятельств экслибрисное движение в России, в отличие от многих зарубежных стран, переживает не лучшие времена. Конечно, художники продолжают работать, коллекционеры собирают редкие гравированные книжные знаки, но общей картины состояния этой культурной деятельности не знает никто. На конгрессе и выставке можно будет впервые увидеть вместе произведения и их авторов из России и ближнего зарубежья, проследить реальные тенденции развития искусства графики малых форм. Предстоящие в Вологде «экслибрисные» события будут интересны не только специалистам и любителям. Ведь книжный знак — это визитная карточка культурного времени. Кроме большой Всероссийской выставки, мы покажем свою экспозицию «Книжные знаки Вологодской области». Специальные выставки представят творчество классиков современного отечественного экслибриса — Анатолия Калашникова и Михаила Верхоланцева.

На конгресс в Вологду приедут художники, коллекционеры, любители и исследователи экслибриса со всей страны. Будут специальные доклады и творческие встречи, мастер-классы. К выставке готовится целая серия интереснейших каталогов и альбомов, рассчитанных на самую широкую аудиторию.

«Ступени»

Андрей ТАЮШЕВ

Не пытайся себя обмануть —
«Всё, мол, кончится прахом и пеплом
И развеется ветром».
Принимай уготованный путь
С благодарностью. Не обессудь,
Что судьба повернулась иначе,
Чем ты думал. Так вышло и значит
О потерях забудь.

И увидишь — осенний парад
Так пронзительно грустен и ярок...
Этот воздух, деревья, закат —
Бытия есть бесценный подарок
И бессмертия верный залог.
Отрицание смертного страха...
В каждом миге присутствует Бог.
Словно в музыке Баха.

2. Вологда

Юрий МАКСИН

Вы сказали мне: «Ангел!»
И я захмелел.
Очень крепкое это вино.
Айседора Сергея
среди суетных дел
называла вот так же.
То было давно...
Ах, какой он был ангел!
Златые волосы!
А мои
сереблятся,
как снег.
Злато, серебро
люди
кладут на весы.
Я не ангел
и не человек.
Я — влюбленный,
а значит, — лечу на огонь
и в огне
непрерывно сгорю.
Вы на губы мои
положите ладонь,
я вам песню в нее
подарю.

Николай БУШЕНЕВ

ОСВАИВАЯ АЛФАВИТ...

М. Г.

Мир был тускл
без тебя
и нем.

Ярким, звонким он стал:

открыта

Мной —

недавно, увы, совсем —

В древней азбуке

буква «эм» —

Море Музыки, Маргарита.

Поблуждав среди сфер и вер.

Понял.

чем привлекла пиита

И прекрасная буква «эр»:

Страстью встреч,

а не мглой химер.

Радость,

Редкость,

Родная.

Рита!

Ничего не страшит уже,

Потому что твой взгляд —

божествен.

Он удержит на вираже.

Есть желанная буква «жэ».

О Жемчужина среди женщин!

Ясноглазую,

светлолицую,

Завораживающей,

как чудо,

Властной,

страстной

и гибкой львицею

Из каких знойных стран,

откуда

Вы явились ко мне?

Случайною,

Мимолётной звездой сверкая,

Лишь на миг задела.

В отчаянье

Обжигаюсь

и — восторгаюсь.

Константин ПАВЛОВ

У меня есть сын и дочка.

Карандаш и три листочка.

Хлеб и масло есть к столу.

Самовар стоит в углу.

Есть кого на чай позвать.

С кем дружить, общаться, спать.

Есть немножечко врагов.

Есть работа, ты и кров.

Я люблю и дождь, и снег;

И жару без пыли...

Я — счастливый человек,

Что б ни говорили.

Спой мне, осень, под гитару

С барабанками дождя,

Тряхани березок на ру,

В подтанцовку вывода.

Пусть танцуют, расписные,

Рассыпая всюду медь,

Мне на платяца цветные

Очень нравится смотреть.

Ну а коль зажгут нас, осень.

Станом гибким от бедра,

Мы с тобой сорвем их, сбросим

...И гуляем до утра.

Андрей КЛИМОВ

Трибуна для вождя.

Эх, купить бы танк с полочки.
Чтобы, стоя на броне.
Говорить, что стало лучше
Жить в родимой стороне.
Что продуктов всяких много,
Что везде у нас подъем.
Что блаженных и убогих
Не найти при свете днем.
Что едят все дети кашу.
Мирно ходят в детский сад...
Да, едят они... Мать вашу!
Сам я видел, что едят.
Я еще не пропил совесть,
Лгать, как Ельцин, не привык.
Танк ему... Мне б бронепоезд!
Коли занят броневик...

Виталий СЕРКОВ

*«Стукнул по карману — не звенит,
Стукнул по другому — не слышать...»*

(Н. Рубнов)

Нишенка тихо легла под кусты,
Взгляд никого не винит.
Рад бы помочь, да карманы пусты,
Мелочь — и та не звенит.

Песни, что я о России сложил,
Вряд ли по нраву дельцу.
Я — только правде сермяжной служил,
Он — золотому тельцу.

Призраком бродит по жизни тщета,
Тайно касаясь теней.
И нишета предъявляет счета
Сумраку прожитых дней.

6.02.04 г.

Татьяна ЛАВТАКОВА

Возвращаюсь из Одессы

В неброскость северных пейзажей
Я возвращаюсь без печали,
Отважно поезд мой отчалил
В Россию, в Вологду, к тебе.
Стремлюсь домой. Люблю Россию.
Проехать надо тышу верст.
Чтобы понять — корнями врос.
Прочувствовать, что Ты — мессия.
Россия, странная страна,
Что в муках выживать должна,
В трудах, в любви искать спасенья,
И ждать святого Воскресенья.
Испив сначала боль до дна.

Юрий ХУХЛОВИЧ

Люблю прохлады утренней глоток
Ещё не пробудившейся природы
И в травах чутко дремлющий цветок,
Ветвей зелёных бережные своды.
Люблю смотреть, как стая журавлей
На гладь озёр стремительно садится
И струи летних ласковых дождей,
И яркий блеск сверкающей зарницы.
Люблю малины нежный аромат,
В тенистый сад открытое оконце,
Густых черемух белый снегопад
И первый лучик утреннего солнца.
Люблю, когда над тихою землёй
Плывёт и светит месяц серебристый,
Долин бескрайних сладостный покой
И леса мрак таинственный и мгlistый.
Да разве можно это не любить?
Ведь где такая есть ещё природа.

Она всегда мне помогает жить.
Вливая радость в сердце год от года.
И я с тоскою часто вспоминал
В осенний день, в январские морозы
Травой пропахший старый сеновал
И за окном шумящие берёзы.

Петербург

Валентин ШАГИНОВ

Преодолев в полёте
Звуковой барьер,
Врываюсь
В некое пространство,
Где перевёрнуто
Законов постоянство
И где телега
Впереди коня,
Как звук,
Отставший от меня,
Как звук,
Ещё за мной летящий,
Живой, реальный, настоящий,
Оставленный в пространстве след.
В котором автора уж нет.

Татьяна ТАЙГАНОВА

Мой холодильник болен.
Мой холодильник бредит.
В нем скопился горячий жар.
Он вздыхает открытой дверцей.
В забытом яйце зреет желток.
В холодильнике — юрский период.
А в желтке — птеродактиль.

Я сижу,
Вяжу
Себе
разбитое корыто.

Бьется шмель
В мое
Окно,
а оно открыто.

Ольга ГРИБКОВА

Вдоль тропинки на опушке
Среди яркой белизны
Три красавицы-подружки,
Три раскидистых сосны.
Зимний вестер их качает
Дни и ночи напролёт.
Свежим снегом укрывает,
Колыбельные поёт.
Он их нежит и лелеет.
Вьёт и кружит, но слегка.
Сосны гордо зеленеют,
Видно их издалека.
Если вы в лесу на лыжах,
Сосны эти отыщите.
Подойдите к ним поближе
И руками обнимите.
И поверьте, очень нужно
Так немножко постоять
И увидите как дружно
Сосны будут вслед махать.

г. Сокол

Геннадий ХРЫНОВ

* * *

Я вижу: деревья в весенней красе
Притихли, любясь листьями.
Я помню девчонку с цветами в косе,
Дающую сладость устами.

Деревню я помню и лес вдалеке,
Безмолвною тайной покрытый.
Любимую утром с бельем на реке,
Паром вспоминаю забытый.

И будто бы легче, хоть жизнь и трудна:
Кидаст, срывает, уносит.
Мне руки на плечи кладет тишина
И с родиной встретиться просит.

г. Сокол

Полина РОЖНОВА

* * *

Я привыкала к первым
петухам,
вставала и брела
в обнимку с летом...
Я прятала не
стеклышко в карман,
а бусинку — с листа,
росинку света.
Казалось, что не будь
сейчас жар-птиц
и домика на курьих
ножках,
я разыскала бы
клубок зарниц,
живой воды бы

принесла в ладошках!
По травам кралась
рыжая лиса.
медведushко собирал
малину горсткой...
Я верила.
бывают чудеса
лишь на земле
старинной вологодской.

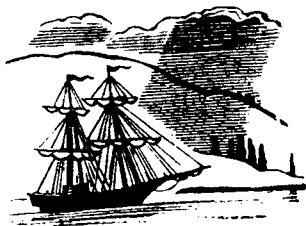
Ирина ДУНАЕВА

* * *

Засосала суета.
Где моя фантазия?
Позабыла, где живу —
В Европе или в Азии.

Мой корабль, видать, застрял
В ледниках на севере.
Ах, отпусти, тоска-хандра, —
В счастье всё же верю я...

Я б сплясала под гармонь
Русского да барыню.
Натаскала бы воды,
Истопила б баню я.

И милёнка своего
Веничком попарила.
Всё, что нам мешает жить.
В бане б я оставила.

Вера ГРОМОВА

ПРОГРЕСС

Вот человек идет усталый
И прячет грустные глаза,
А мимо из стекла и стали
Летят ракеты, поезда,
Несутся с грохотом и лязгом
Тела им созданных машин,
Пугая видом безобразным,
В мир извергая гарь и дым.
А вдоль дорог все стены, стены —
Бетонной прочности дома
Стоят надежно и надменно,
Как независимость сама.
Скорей — укрыться за стеною,
За дороною скорлупой,
Чтобы не слышать за спиною
Прогресса топот молодой.
Вот человек идет усталый
И прячет грустные глаза...
А где-то есть речные дали
И никнет над водой лоза.

г. Череповец

Анна КАЗАКОВА

Вы — считаетесь истиной
В последней инстанции.
Я — считаюсь окурком

На заваленной мусором станции.
У вас, конечно, холодные головы,
Чистые руки и горячее сердце.
У меня в мыслях и взгляде —
На кусок шоколада —
Четыреста граммов перца.
На мой взгляд, вся ваша мораль —
Сборище чуть приукрашенной фальши.
Вы запираетесь в душных норах,
Предпочитая жить так и дальше,
У меня в этом мире нет даже угла.
Я подставляю лицо ветру.
Вы и не знаете, как это —
Спать на углях!
Вы самодовольно сопите,
Слушая ретро.
Вы чешете всех под одну гребенку.
Конечно! Ведь этак проще.
Вы ставите в угол ребенка
И подсыпаете яд теще.
Вы считаете нас потерянним поколением
Но готовы сражаться
с любым нашим мнением.
Обвиняете в том, что мы быстро сгорим —
А вы заходите лет через сто —
Поговорим!

г. Череповец

Александр ШЕСТАКОВ

Вывездило!
На бисером шитый шатер
Гляди, не гляди — недоступна
Мастера мысль.
Скуден рассудок —
Понять этот чудный узор...
Только ---- восторг.
Только — светлая звездная высь!

г. Череповец

Вячеслав БЕЛКОВ

РУБЦОВ И ПУШКИН

(наброски)

Сохранилось предание о том, что бабушка Раиса и старшая сестра Галя читали (а скорее, рассказывали) маленькому Коле Рубцову сказки и стихи А. С. - Пушкина. Естественно, Пушкина Николай Рубцов изучал затем в школе. Учительница А. Меньшикова вспоминает: «На уроках грамматики читала ребятам предложения из произведений Пушкина и Никитина, разбирала их. Учили стихи. Коля обязательно спросит: «А вы знаете все наизусть? Расскажите». И вот я читаю «У лукоморья...», или «О попе и о работнике его Балде», или еще что-нибудь. Смеются. Коля громче всех. А я рада, что их лица просветлели...».

Еще известна история о том, как будущий поэт в Никольском детдоме играл роль юного Пушкина — ребята готовили сценки к юбилею великого поэта, шили костюмы, а Коле намазали лицо сажей и завили волосы. Он очень хотел быть похожим на Пушкина...

Потом Рубцов учился в лесном техникуме в Тотьме. В свое время я записал воспоминания учительницы А. Ф. Корюкиной, которая преподавала литературу в техникуме. Она говорила, что ребята учили наизусть — Золотое слово Святослава, «Русь-тройку» Гоголя, стихи Пушкина, Лермонтова и др. (См. журнал «Автограф» № 15, 2002).

Видимо, более обширное и глубокое знакомство с творчеством Пушкина произошло в 1953–1954 годах, когда Рубцов учился в техникуме в Кировске. Здесь у него сложились теплые отношения с преподавателем литературы М. И. Лагуновой. Теперь Рубцов был уже достаточно зрел, чтобы серьезно читать не только Пушкина, но и философскую литературу (см. воспоминания Н. Шантаренкова).

В ранних стихах Рубцова заметно влияние Есенина, Никитина, но никак не Пушкина. В более зрелых стихах мы уже видим какие-то переклички с пушкинскими строчками:

«Овладевает светлая печаль» (Рубцов)

«печаль моя светла» (Пушкин)

Или еще:

«друзей со мною нет» (Рубцов)

«Печален я: со мною друга нет» (Пушкин)

и:

«Мое слово верное прозвенит» (Рубцов)

«читать мой свиток верный» (Пушкин)

Подобные примеры можно умножить. Мне уже приходилось сравнивать «Поезд» Рубцова с «Бесами» Пушкина: «желтым роем понеслись огни... мчусь куда-то» — «мчатся бесы рой за роем». Здесь не только словесная перекличка. Поезд у Рубцова — «как леший». тоже бесовская сила. Кстати сказать, финал «Бесов» перекликается и с другим стихотворением Рубцова:

«воем надрывая сердце мне» (Пушкин)

«мне этот вой выматывает душу» (Рубцов)

Интересно сопоставить два коротких стихотворения наших поэтов — «Улетели листья» и «Я вас любил...» В обоих стихотворениях по восемь строчек, и по теме они близки: грусть, прощание с любовью. Правда, у Рубцова все здесь основано на природных образах, а не на абстрактных понятиях. Рубцов как бы бросает вызов, соревнуется в мастерстве со своим великим прдшественником...

Несколько раз Пушкин упоминается в стихах Рубцова. Например, «И, как живые, в наших разговорах Есенин, Пушкин, Лермонтов, Вийон...» И, конечно, надо назвать стихотворение «О Пушкине»:

*Словно зеркало русской стихии,
Отстояв назначенье свое,
Отразил он всю душу России!
И погиб, отражая ее...*

Всего четыре строчки. И, на первый взгляд, не очень удачные. Не лирика, а рассуждение. Но все-таки Рубцов глубоко понял Пушкина. Начиная с Гоголя, почти все литераторы и исследователи пишут о Пушкине как о гениальном выразителе русской души. И дуэль поэта тоже — борьба за свое «назначенье», за честь поэта в России. Сам Пушкин выразил это в стихах так:

*И неподкупный голос мой
Был эхо русского народа.*

Сопоставлять творчество Пушкина и Рубцова можно по разным параметрам. Например, по той беспощадности, с которой они пишут о себе. У Рубцова: «И однажды, прижатый к стене / Безобразьем, идущим по следу...». У Пушкина: «И с отвращением читая жизнь мою. / Я трепещу и проклинаю...». Можно легко найти в стихах обоих поэтов и религиозные, библейские мотивы. Кстати сказать, в одной газете опубликованы недавно рядом две статьи: «Пушкин: поэтический путь духовного служения» и «Николай Рубцов и православие» («Российский писатель», № 3, февраль 2002.). «Да здравствуют музы, да здравствует разум!» — воскликнул Пушкин. «Соединясь, рассудок и душа / Даруют нам — светильник жизни — Разум!» — подхватил Рубцов.

Давно замечено, что многие русские поэты в конце жизни «приходили» или «возвращались» к Пушкину. Николай Рубцов всегда был ориентирован на классику, на традицию. У него были особые периоды увлечения Есениным, Блоком, но такие поэты, как Тютчев и Пушкин, по моему мнению, были с ним всегда.

НИКОЛАЙ РУБЦОВ ГЛАЗАМИ ПРЕССЫ

Всё чаще и чаще встречается имя великого русского поэта Николая Михайловича Рубцова на страницах газет и журналов. Порой в самых неожиданных контекстах. Так, в «Литературной газете» появилось приглашение Сергея Мнацаканяна к дискуссии «Век — новый. А поэзия?». В этой статье речь идет о том, как нынче составляются весьма специфически некие литературные «Энциклопедии». Одна из главок этих полемических заметок начинается так:

«В самом деле, господа, можно не любить — ну, к примеру, Николая Рубцова. Но упомянуть благополучно проживающего в Канаде Бахыта Кенжеева и забыть о Рубцове — по меньшей мере странно».

Конечно, ничего странного в этом нет, если в так называемой «Новой Российской энциклопедии» нет целой когорты выдающихся русских поэтов, в том числе и военной поры... Впрочем, это липовое издание уже получило свое истинное название в «ЛР» — «Академический лохотрон...»

А вот пример иного рода.

В майском номере газеты «Украинские вести», которая стала выходить в свет совсем недавно под эгидой Общественного Совета при посольстве Украины в РФ, появилась статья главного редактора Ольги Климашевой «Композитор и певец России и Украины». В ней речь идёт о концерте Народного артиста России Александра Сергеевича Морозова «Украина нэнька — матушка Россия» в Государственном Кремлёвском Дворце. В статье есть такие строки:

«Александр Морозов — композитор, чьи музыкальные произведения известны широчайшему кругу слушателей, как в России, так и в Украине. За тридцать пять лет творческой деятельности Морозов написал около семисот песен.

Многие песни А. Морозова, среди которых особое место занимает цикл, написанный на стихи замечательного русского поэта Н. Рубцова, приобрели поистине всенародную любовь и признание».

Есть в статье О. Климашевой ещё одна фраза, где упоминается знаменитая песня «В горнице моей» на стихи Николая Рубцова: «Такие песни, как «Травы пахнут мятою», «В горнице моей», «Малиновый звон» давно перешагнули границы и стали поистине народными».

Прочитав эти справедливые строки, невольно вспомнились горестные слова Николая Михайловича Рубцова из письма к его учителю Николаю Николаевичу Сидоренко от 10 июля 1964 года:

«Я получил письмо из Архангельска. Стихи «Русский огонёк», «По холмам задремавшим» и ещё многие стихи, которые дали бы лицо книжке, мне предлагают обязательно

Виталий Бакуменко,
работа В. Руденко

убрать из рукописи. Даже стихотворение «В горнице моей светлю» почему-то выбрасывают. Жаль. Но что же делать? Останутся в книжке стихи мои самые давние, мной самим давно позабытые. Хорошо, что оставили стихотворение «Тихая моя родина»».

Слава Богу, времена меняются и наступает настоящее понимание и признание творчества замечательного русского лирика, так исключительно обогатившего отечественную словесность.

Отметим в заключение ещё один характерный пример.

В «Литературной газете» (№ 20–21) опубликован обзор Ольги Рыжовой «Дуэли, дружба и учёба». Говоря о публикациях в первой номере журнала «Литературная учёба» она пишет:

«Открывает журнальные публикации поэзия Годжи Халида. Подборка его стихов названа «Дождь воспоминаний». Нетрудно понять, что это — «тихая лирика». Выпускник Высших литературных курсов при Литературном институте сейчас живёт на родине, в Азербайджане, работает школьным учителем. Обычная, в общем-то, для литинститутца судьба. Важно, что его немного «рубцовские» стихи опубликовали. В России».

Таким образом, благотворное влияние рубцовских стихотворений ширится и далеко за пределами России. Подчеркнём особо этот весьма отрадный факт.

Москва

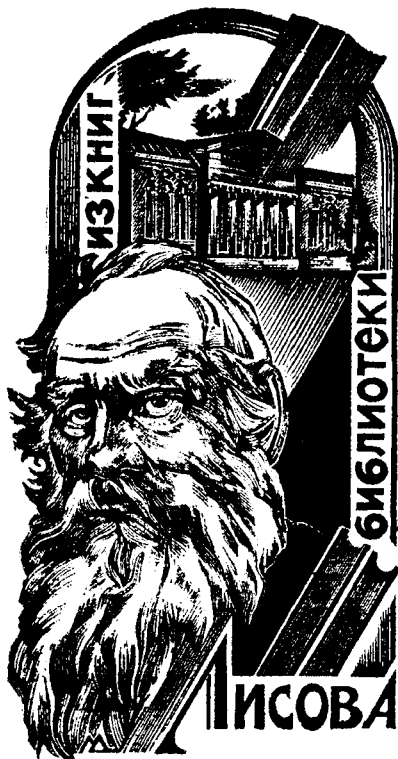
Андрей ГРУНТОВСКИЙ

АЛЕНЬКИЙ ЦВЕТОЧЕК

«Россия, Русь! Храни себя, храни!»

Н. М. Рубцов

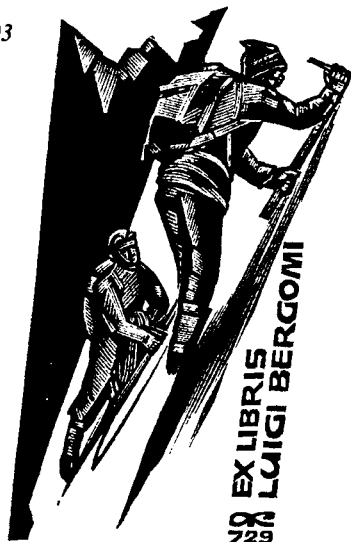
«Был в детстве аленький цветочек,
Могила матери в дали...
Был шорох листьев, трепет почек.
Война, детдом и журавли...
Была деревня, поле, поле,
Над полем чистая звезда,
Река, стада, степная воля,
Там — пароходы, поезда...
И мы учились понемножку
В разливах рек, в разгулах гроз...
Копали мерзлую картошку
И как я вырос — вот вопрос...
Куда меня не заносило,
Когда покинул я колхоз!
Мне знать хотелось — что Россия? —
Под говор волн, под стук колёс...

Пришла пора — на флот призвали:
 Вот это ширь, вот это плёс!
 Меня девчонки окликали:
 «Куда торопишься, матрос!»
 Морские стёжки и дорожки
 На строчки живо разменял...
 Мне дали старую одежду,
 Как срок служивый миновал...
 Повсюду стройки коммунизма —
 Я Питер клёшами мету...
 Но потянуло к нашим избам
 И я оставил маяту...
 Смеялись девочки-подружки,
 Луна всплывала из-за туч,
 А я искал жильё старушки
 С душою светлою, как луч.
 Прости, умолкшая кукушка,
 Прости, тревожный сеновал, —
 Стихи полились, как из кружки:
 Я их взахлёб запоминал...
 Опять завод... Опять машины,
 А там — весёлое ЛИТО...
 А в нём — серьёзные мужчины
 Тетрадку вертят: Нет, не то...
 Я ломал десятилетку,
 Мелькнул на сцене — нет не я!
 В Москву, в Москву, а пятилетку
 Валяйте, братцы, без меня...
 Литературная общага,
 Как море в бурю — свист и гром...
 Моя лодчоночка трещала
 И зыкал яростно «старпом».
 Нас на писателей учили...
 Но миновал и этот рок
 И мы не сгнули в пучине.
 Не утонули между строк...
 Сияли звёзды над Россией.
 Во тьме дергач кричал: «Хор-рош!»
 В болотах ведьмы голосили —
 Я им не верил ни на грош.
 Но слышал я, как бродят соки
 В берёзах, как течёт река.
 Как, соблюдая дни и сроки,
 Пред Богом движутся века...
 Вставало солнце — ставил точку,
 Шагал по росам на покос...

И дал Господь жену и дочку.
 А не забвеньё и погост...
 И снова Вологда. Всё снова...
 Стихи... куда ведёт душа...
 В деревне крыша и солома.
 Здесь ни кола, и ни гроша.
 Но есть друзья, а это славно
 И всё наладится ей-ей.
 Живём вблизи пустого храма.
 А потому — полней налей...
 И наливали — это было...
 Но пели песни — это то ж!
 Россия. Русь. меня хранила,
 Я не замёрз. ни пал под нож...
 Но эти годы... Эти годы...
 Больница. улица. вокзал...
 «Метались. падая, народы...», —
 Как Пушкин некогда сказал.
 Но неизбывная Россия
 Вновь подымалась с азов.
 И вновь течёт под небом синим
 Мой журавлиный вечный зов.
 Пора. пора... — не хмурьте брови,
 Что слово вырвалось, сипя...
 Любви в нём больше или крови! —
 Россия, Русь! Храни себя...»

2003

БОЛГАРИЯ ОЧАРОВАНА «ЛУНИНКОЙ»

21 июня 2004 года в Болгарии завершила работу экспозиция произведений из частной картинной галереи Евгения Лунина. В болгарский город Горно-Оряховица, поближе к Череповцу, были доставлены и выставлены в музее 120 полотен наиболее известных живописцев. Прошла выставка с большим успехом.

Подготовка необычной выставки потребовала немалых усилий от сотрудников галереи. Нужно было не только отобрать произведения, должным образом представить их, но, самое главное, пройти таможенные процедуры, а это волокита ещё та! Директор галереи Ольга Сергеева рада — все эти хлопоты позади. Вот что она рассказала накануне отъезда в Болгарию:

— На выставке болгарские ценители искусства увидят произведения лучших художников, чьё творчество так или иначе связано с вологодским краем. В частности, работы академика Валерия Страхова, Олега Бороздина, Николая и Генриэтты Бурмагиных, академиков Валерия Пименова и Владимира Ветрогонского, Владислава Сергеева, академика Владимира Корбакова и других замечательных мастеров. Это первая наша зарубежная выставка. Если она удастся, опыт можно расширить. Ну, а что касается выбора Болгарии, то он не случайный. В прошлом году там проходил международный музыкальный конкурс, и первый диплом завоевали артисты ансамбля «Прялица» из Череповца, которому оказывает спонсорскую помощь Евгений Лунин. К слову, ведущая солистка ансамбля Валентина Лунина — супруга Евгения Михайловича, она же деятельно участвовала в подготовке болгарской выставки.

Примечательно, что галерея Лунина, наверное, единственная в России из частных, которая настойчиво «идёт в народ». Два года назад с большим успехом произведения из этой галереи выставлялись в доме-музее Ярошенко в Кисловодске, а чуть позже — в краевом музее изобразительных искусств в Ставрополе. Отзывы зрителей — самые восторженные. Сейчас в коллекции Лунина более трёх тысяч полотен.

Впрочем, думаю, вологжане тоже не забыли, как осенью 2003 года и они получили от галереи роскошный подарок — в культурном центре «Русский дом» было представлено около 600 картин из собраний Лунина. Без натяжки берусь утверждать, что впервые в областном центре предстал столь мощный и необычный вернисаж. И эта необычность заключалась в том, что зритель мог увидеть и оценить творчество того или иного художника не по одной-двум работам, как бывает на традиционных выставках, а по целым коллекциям. Вот что очень важно! Представленные вместе, коллекции являли собой вологодское художественное искусство последних десятилетий в большом объёме и в определённой традиции. Зрители увидели полотна старейшего вологодского художника, академика Владимира Корбакова и его соратника, тоже академика живописи Валерия Страхова. Наверняка привлекла внимание уникальная коллекция графических работ Николая и Генриэтты Бурмагиных. Впервые за многие годы зрители увидели столь полным творчество заслуженного художника Анатолия Па-

говицына. большую часть жизни прожившего в Череповце. А в центре выставки были чудесные работы старейшего вологодского мастера Олега Александровича Бороздина.

Накануне открытия выставки в Болгарии удалось встретиться с Евгением Луниным и поговорить о роли меценатства в жизни общества. Думаю, некоторые мысли коллекционера представляют интерес.

— Вряд ли думал господин Меценат, он был приближённый римского императора Августа, что войдёт в мировую историю, а его имя станет нарицательным. — размышлял Евгений Михайлович. — На первый взгляд, по незначительной причине — он помогал поэтам Вергилию и Горацию. Но велика была людская молва и сила искусства — позднее меценатами стали называть всех, кто поддерживал разные виды творчества. А если возьмём нашу страну, то на Руси издревле цари, князья, вельможи покровительствовали составителям летописей, иконописцам, строителям храмов, писателям и учёным. Распространение православия освятило эту традицию. Уместно напомнить слова епископа Иоанна Златоуста: «Милосердие отличает человека, а жестокость зверя...» Расцвет меценатства в России выпал на конец XIX — начало XX века, когда на арену общественной жизни вышли купцы, промышленники, предприниматели. На всю огромную страну зазвучали имена Фёдора Ртищева, отца и детей Строгановых, Николая Румянцева, Павла Третьякова, отца и детей Прохоровых, десятков сотен других.

Ныне пришла пора возродить лучшие меценатские и благотворительные традиции России.

*Геннадий САЗОНОВ, г. Череповец
«Л.Р.»*

Юрий МАКСИН

ИЗ ДЕРЕВНИ ТАЛАНИХИ

Хорошая книга для меня — праздник. А если ее написал автор, который знаком, то праздник вдвойне. Отзыв о книге Александра Цыганова «Вологодский конвой» еще в апреле в газете «Красный Север» опубликовал Василий Белов. Признанный мастер слова высоко оценил сборник, состоящий из повести, давшей название всей книге, и шести рассказов.

Согласен с Василием Беловым, что пересказывать содержание талантливой книги не стоит. Лучше просто посоветовать ее прочесть. И все же...

Два последних рассказа сборника заделали именно мою душу. А потому поделюсь своим мнением о прочитанном. Рассказ «В месяце июле» ранее был опубликован в «Красном Севере» под названием «Глушитель». И вологжане уже знают его по этой публикации.

Автору, как говорится, видней, тем более, что Александр Цыганов — опытный литературный редактор, по я пожалел, что не осталось старое название. Правда, стоило бы его немного изменить, назвав рассказ «Глушители». Пожалел потому, что глубинный смысл его стал бы понятен большему количеству читателей. Рассказ непрост, как не просто все, что пишет в последнее время Цыганов.

Двадцатый век с его стремлением к комфорту, удобной жизни, с его всепроникающей техногенностью приглушал и приглушал в человеке совесть. И это не трагедия отдельного

человека (люди без совести рождались всегда), а трагедия человечества в целом. С ней мы вошли и в век нынешний.

Быстрее всего к комфорту привыкают женщины — хранительницы очага. Им, добрым и уютным домохозяйкам, хочется оградить детей своих и мужей от внешнего опасного мира. Ограничить кухней, дачей, машиной... Чем еще? Дверью с домофоном. Все это хорошо, но до поры, до времени. Когда жена не позволяет мужу вмешиваться в творящийся беспредел, она становится глушителем его совести и чести. Она становится матерью детей, отгородивших себя от мира наушниками с музыкальным наркотиком.

Век-глушитель все более изощренно добивает остатки совести человечества. А как доступен теперь алкоголь! В любом месте можно расположиться и расслабиться бутылочкой-другой пива. Всегда к услугам и что-то покрепче.

Одному английскому философу принадлежат слова: «Что скажет совесть — злой призыв на моем пути?» В век научно-технического прогресса она все более становилась призрачной. Прогресс давно глушит и добро, и справедливость — кто сильнее, тот и прав.

И даже звонок по телефону-автомату о том, что совершается преступление, может стать для звонящего опасен. «Любой номер телефона высвечивается, и разговор идет на запись. А если базар о мокрухе — наши в два счета прилетят. Без свидетелей никуда», — это слова одного из героев рассказа в адрес нынешних «ментов». Так «заглушат» следствием, что пропади все пропадом. Почему не иначе воспринимается теперь их труд?..

Без глушителя в рассказе Александра Цыганова только «жигуленю»-колымага, переживший из двадцатого века в двадцать первый. Скажу откровенно, мне не нравится, когда юноши гоняют по улицам на оружии без глушителей мотоциклах. И автомобиль без глушителя тоже неприятен — и для его пассажиров, и для окружающих.

Глушители бывают разные. Одни необходимы, другие — смертельны.

Но есть между ними какая-то мистическая связь, как между добром и злом, над которым и заставляет задуматься рассказ «В месяце июле».

Совсем по-другому воспринимается рассказ, завершающий книгу. Он называется «Оборона Таланихи». В названии деревни ударение на втором слоге. Еще до прочтения рассказа подумал, что оно может быть и на третьем — Таланихи. Как-то само собой срифмовалось с фамилией Талалихин, коль речь идет об обороне.

Люди нашего с автором поколения помнят, что это фамилия летчика, в августе 41-го на подступах к Москве ночью таранившего немецкий бомбардировщик. В том бою Талалихин остался жив, он погиб в октябре, сбив еще пять самолетов противника.

Автор дал деревне название от слова «талан», означающего счастье, удачу. Вряд ли есть деревня с таким названием. Но оно живет теперь на страницах рассказа и воспринимается как высшая деревенская Россия, взрастившая и воспитавшая великое множество талантов — и в искусстве, и в науке, во всех сферах деятельности человека.

Кто остался сейчас в полнокровных когда-то деревнях? Доживающие свой век бабушки и дедушки со своими иконами, с внуками, приезжающими погостить в короткое лето. В деревне Таланихе осталось пять бабушек да один дед. В ней же на их счастье со своими бедами и ранами уединился прошедший «горячую точку» Игорь-офицер.

Что еще взять у такой деревни, у обездоленных стариков? Чем еще можно пожить здесь тем, кто потерял совесть? Им надо отнять последнее — иконы. И наплевать, что для кого-то это последний островок, где, молясь, отдыхает душа, набираясь сил для нового дня.

Думаю, на всех, кто совесть не потерял, строки Александра Цыганова, которые пропитурую, произведут одинаковое действие: «Но раньше всех лишь двое знали — только два человека по-настоящему понимали, чем может закончиться, если один другого не опередит: Игорь-офицер и молчун в очках, на которого указывал бывший бородач».

Молчаливый уже сунул руку во внутренний карман пиджака, но Игорь, опередив, ткнул пальцем куда-то за его плечо и крикнул:

-- Этот с тобой?

Молчаливый маленько повел головой, но Игорю-офицеру хватило и этого: вдруг выбросив перед собой руки и подтянув ногу, он в то же мгновение неувлимо ее выпрямил. — неведомая сила хрястнула молчаливого о машину, даже очки слетели.

Старухи на лавке голосили, как будто на них клином сошелся свет, а Ваня Лейте, сгребав клок и размахнувшись им, молчком пошел на стоящих у машины.

То, что начинало происходить, видно, никак пока не укладывалось в буйные головушки приезжих, многое уже, наверное, повидавших в свои еще молодые годы. Они еле-еле успели поставить своего молодца на ноги, а уж с лавки, поднявшись в полный рост, надвигались на них, вооруженные граблями, тяпками и вилами простоволосые деревенские старухи — уже очнувшиеся, без слов и спокойно, с той решимостью, с которой, если не дай Бог доведется, то готовые, пожалуй, стоять и насмерть, до конца».

Рассказ «Оборона Таланихи» достигает до каких-то глубин памяти, до которых в детстве достигали наши русские былины и сказки. По сути своей он тоже сказка, в которой добро взяло верх над злом, в которую хочется верить: «А между тем было начало такого в птичьем посвисте утра, когда человеку невольно кажется — кто бы еще это видел, — что именно от этих маленьких деревянных домиков с крохотными баньками в густой зеленой траве да синего озера-блюдечка, овеянных теперь волшебным небесно-золотым светом, и начиналась когда-то сама земная жизнь».

Повесть Александра Цыганова «Вологодский конвой» автобиографична. Автор десять лет работал начальником отряда в колонии усиленного режима. О том, как действует пенитенциарная система на работников колоний, написано немало психологических исследований.

Эта система тоже своего рода «глушитель», который притупляет в человеке лучшие чувства, когда взаимоотношения с заключенными с течением времени также могут стать способом наживы...

В «Вологодском конвое» молодой офицер, приехавший служить в колонию, обладает обостренным чувством справедливости. И потому логическим продолжением повести, на мой взгляд, явилась сама жизнь ее автора, ставшего из начальника отряда русским писателем Александром Цыгановым.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Бакуменко В. М. и Перкин В. Д. «Книжные знаки художника Ф. Молибоженко». М., 2000. 67 с., 217 илл. Тираж 25 экз.

Перкин В. Д. «Книжные знаки художника М. Верхованцева». М., 2001. тираж 25 экз.

Горнунг М. Б. «Неутомимый пропагандист экслибриса», издат-во «Перкин-принт». М., 2001. Книжка о Владимире Перкине. тир. 25 экз.

Александр Дубинин «Облака», стихи, Грязовец, 2004. Книга стихов вышла в серии «Грязовецкий литературный стол».

Константин Павлов «Две колени», стихи, Вологда, 2004. Новая книга поэта. Автор родился в Вологде в 1968 году.

Ольга Кульневская «В шепоте дождя», стихи, Вологда, 2001. Автор живет в В. Устюге. Тираж книжки 200 экз.

Вера Багрецова «Мое былое стало мигом», стихи, Вологда. «Палисад», 2000 год. Миниатюрное издание.

«Автограф» № 32. Вологда, журнал. Стихи К. Павлова, А. Климова, Е. Саблиной, В. - Белькова, Н. Бушенева, М. Григорьева и др. В мире Рубцова. Юбилей Юрия Максина — 50 лет. Проза А. Дубинина и Д. Ермакова. Статьи Виталия Бакуменко, экслибрисы и др.

В. Бакуменко «На рубеже веков, или итоги XX века», Москва, 2001. Экслибрисы и итоги работы автора в журналистике. Мини-книжка.

Кошелевы Марина и Андрей «В горнице моей светло...», фотосюита на стихи Н. Рубцова, Москва-Вологда. Альбом-каталог выставки.

Б. Ромодин «Грибы сатанинские», повести переходного периода. Вологда, 2004.

Ольга Александрова «Прислонись к моему плечу», стихи. Вологда. 2004. Симпатичная книжка.

И. Мямлин «Портреты и автопортреты русских художников XX века», каталог, Вологда, 2004. Игорь Мямлин подарил свою коллекцию Вологодской картинной галерее.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ

на литературно-художественный журнал «Автограф»

Журнал «Автограф» выходит 6 раз в год. Он расходуется по Вологодской области, по Москве, Петербургу, Сочи, Сургуту, некоторым др. городам и по Дальнему Востоку. Журнал поступает в Областную и другие библиотеки. С августа 2004 года действуют следующие правила подписки на журнал:

Минимальное количество выписываемых номеров — 3. Стоимость 3-х номеров (или 3-х экз. одного номера) — 100 руб. с учетом пересылки и доставки. Деньги передаются или пересылаются Белькову В. С. по адресу: 160024. Вологда, ул. Разина. 55-а, кв. 86. Тел. 24-36-36. Вместе с этим поэты посылают свои стихи, а художники — графические работы. Проза и критика публикуются на особых условиях. Библиотеки могут публиковать свои материалы.

Автор, подписавшийся на журнал публикуется в каждом номере и получает 1 или более экз. этого номера (по желанию).

В каждом номере «Автографа» публикуются материалы, посвященные великому поэту Николаю Рубцову, публикуются стихи молодых и опытных авторов, гравюры и экслибрисы лучших художников. Публикуются и портреты авторов, если они выполнены графически или в виде четкой, контрастной фотографии.

Подписчики сообщают: ФИО, точный почтовый адрес.

Редакция

Андрей СМОЛИН

УЗЕЛКИ НА ПАМЯТЬ

Ныне писателю надо быть кратким. То ли читатель стал ленив, то ли действительно времени у всех не хватает. Вот и появляются различные «Затеси», «Камешки на ладонях», «Записки на манжетах». И мне, грешному, иногда хочется быть кратким и точным в своём слове.

Автор

Философ

В том апреле провел я несколько славных дней в небольшой деревушке Борисково на правом берегу Сухоны. Весна запоздала, весь апрель было холодно. Но вдруг встала необыкновенная жара за 30 градусов. Сухона прибывала буквально на глазах. Однажды ночью сорвало причальные плоты. А утром вода вплотную подступила к сараям, в которых тревожно трубили коровы, заходились в истерике овцы. Один гусак по прозвищу Косой (и правда, косой, с одним глазом) спокойно бродил по двору, с презрением наблюдая за беспокойством «братьев меньших». Он-то был уверен, что его потоп никак не коснется. Несколько дней деревня переживала страх перед большой водой, но Сухона отступила. Стали готовиться к Пасхе. И первым делом зарезали Косого. Под «гильотину» топора он пошёл с тем же спокойствием, с каким бродил по двору при наводнении. Одним словом, философ, всё уже понявший в жизни. Гусь с мочеными яблоками на пасхальном столе удался на славу!

Горе

Вечером зашёл в гости Травнин, сосед по нашей улице справа. Ему уже под семьдесят, но, похоже, здоровья у него ещё хватает. Да и что ему годы: лет сорок просидел бухгалтером в колхозной конторе. Вообще-то, он «мужик с головой», как говорили о нём в деревне. Дома — достаток, дети устроены по городам, а пасека даёт устойчивый доход. В этот раз сосед был что-то не в себе: суетливо предложил выпить, хотя было видно, что он уже в «дозе», он только что вернулся с побывки у сына. Мы выпили по одной. Тут на глазах гостя появились крупные слезы, он уткнулся лицом в ладони, разревелся в голос: «Горе у меня. горе...» — «Какое горе-то. Иваныч?» — «Сын в Вологде совсем спился, пьёт по-черному...» — «Да ведь кто сейчас не пьёт?» — «Да пусть все зальются, а тут — сын, мой сын!..». Потом мы долго сидели молча, каждый думая о своём.

Не-гений

Два года я прожил в одном из самых известных общежитий Москвы — Литературного института. В нём на каждый квадратный метр приходилось по полтора, наверное, поэта.

Или так — будущих поэта. Поскольку критиков было на эту братию маловато, то почти каждый вечер поэты глушили меня своими стихами и водкой. Обычно под вечер, без стука в дверь, врвался очередной посетитель и громко заявлял: «Так, я — гений! Ты это сразу поймешь по одному стихотворению». Таких «гениев» за это время у меня перебывала добрая сотня. Однажды в дверь робко постучали, зашел худенький, скромный паренек со второго курса заочного отделения: «Я — не гений, но посмотрите мои стишата...». Стихи мне понравились. И сейчас, спустя годы, время от времени только подборки стихов Кости и попадают в лит-журналах. Всех остальных «гениев» что-то пока на небосклоне родной словесности не видать...

Футбол по выходным

Лет через тридцать после своего детства я снова стал поигрывать в футбол. Вот ведь забава! Я понимаю радость мальчишки, впервые всадившего тугой мяч в рамку ворот. Но мы-то — отцы. И даже — деды? Какую радость находим в этом мы? И вдруг я понял: как хорошо быть пацаном, ещё нисколько не пожившим, ещё не омраченным грузом проблем и болезней. Но я опять все реже играю в футбол... Вдруг стало побаливать сердце. Врач предупредил, что такие нагрузки ему уже не под силу! Так и вспомнишь: всему свое время.

Вячеслав БЕЛКОВ

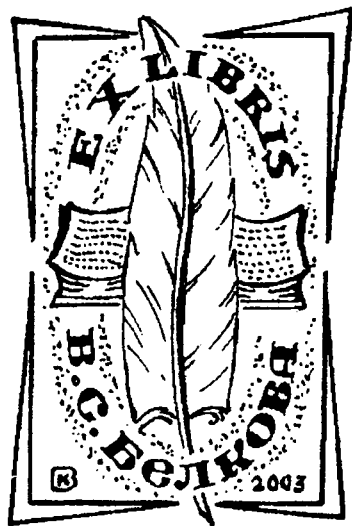
СПРАВКА

рассказ

Хмурым октябрьским утром из Обкома партии в Управление культуры пришло распоряжение — срочно подготовить справку о пропаганде противопожарной безопасности. Было ли это устное распоряжение или письменное, никто уже не помнит: у всех участников этих странных событий напрочь отшибло память.

По инстанции, как и положено, распоряжение попало в конце концов к заведующей отделом ОНМЦ Ксенофоновой Марине Сергеевне. Надо заметить, что в ОНМЦу всех сотрудников было почему-то одинаковое отчество — Сергеевичи или Сергеевны. Уж не знаем, кто был тем мифическим Сергеем, который всех породил. Может, знает Жарникова, несомненный научный сотрудник недалекого будущего.

Итак. Марина Сергеевна... Это была... это была исключительно молодая, приятная и легкомысленная особа. Она как раз собиралась в очередной раз выходить замуж (за механика Гаврилова) и поэтому свежий приказ начальства был ей очень некстати. Справка должна была называться так: «О пропаганде противопожарной безопасности в учреждениях культуры области в 19...» не скажу каком году.

Марина Сергеевна покусала свои красивые ногти. постучала ими по крышке стола и позвонила Егорову. Так методист Егоров (тоже Сергеич) оказался один на один с тремя листами чистой бумаги. на которой ему предстояло сочинить нечто небывалое. Видимо. Льву Толстому было легче писать «Войну и мир», ибо Отечественная война 812 года все-таки была, хоть и давно. а вот противопожарной пропаганды в природе не существовало ни-ког-да...

Методист Егоров глубоко задумался. Он задумался ровно на две минуты. Это был опытный канцелярский работник, ас. ему было 30 лет и он был в расцвете своих творческих сил!

О, дни нашей молодости! Как они пролетают, проходят, мелькают в воздухе, как мотыльки, и улетают куда-то в туманную даль. куда мы не можем заглянуть, и остается только сетовать, грустить, сжимать руки под столом и думать о чем-то, уставившись в три листа чистой бумаги...

Егоров очнулся и вслух сказал: «заглянем-ка в даль.» И пошел к полке, где стоял четырехтомник Даля, не артиста, но артиста своего дела... Честно сказать — Даль не понадобился методисту Егорову, — уж очень Даль был какой-то простой и толстый. Понадобилось нечто более гонкое. неуловимое, ароматное. Может быть, сигарета. а может какой-то крепкий напиток. Об этом история умалчивает и вообще не будем владаться в мелкие подробности.

Короче говоря, через 38 минут на столе Егорова лежала почти готовая вышеупомянутая справка, которая начиналась гениальной фразой: «За отчетный период в учреждениях культуры области (СДК, клубах, автоклубах, библиотеках и пр.) проведена определенная работа по пропаганде среди населения определенной противопожарной безопасности...»

Полный текст справки хранится в Государственном архиве Вологодской области — фонд 386, опись 2, ед. хранения 473.

Как сказал один поэт:

Справка:

написанная, напечатанная,
прочитанная, забывая.

Что ее — снова надо читать?

Нет, ее снова надо писать.

Ибо мертвые бабочки —
не летают!

МНЕНИЯ:

— Анкета «Независимой газеты», итожа советскую эпоху, утверждала: у нас была великая культурная эпоха. Какие имена и достижения остались с вами из неё?

— Прежде всего Андрей Платонов. Анна Ахматова. Борис Пастернак. Николай Рубцов. Виктор Астафьев. Василий Белов. Арсений Тарковский. Николай Заболоцкий. Это, конечно, далеко не все имена: Шостакович, Свиридов. Прокофьев, Гаврилин. Замечательный режиссер Андрей Тарковский. И когда охватываешь этот временной промежуток, видишь: это была великая культура, которая и сейчас для многих является просто маяком. Интересно, что моя младшая дочь смотрит только советские фильмы и говорит: «Какие они добрые!».

Светлана Кекова. поэтесса

ЭКСЛИБРИСЫ ЕВГЕНИЯ ЛЕБЕДЕВА

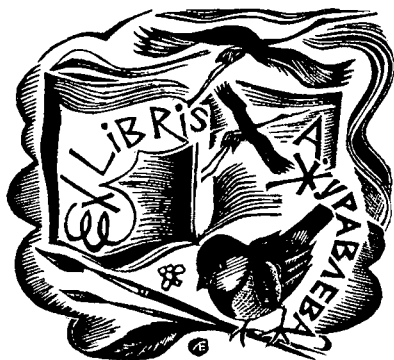
Художник-график Евгений Аркадьевич Лебедев родился в 1952 году. Живет и работает в Устюжне. Выполнил более сотни экслибрисов и станковых гравюр на пластике. Уже первые книжные знаки художника поражали мастерством, зрелостью, выразительной пластикой. Они как-то по-особому выпуклы. Может быть, дело в том, что начинал Евгений Лебедев как скульптор.

Я не искусствовед, но когда вижу работы Лебедева, то понимаю, что такое гравюра, чувствую дух материала — работы этого художника трудно отличить от ксилографии. В них есть одновременно и мягкость, и уверенная сила. Мастер не ковыряется в доске, а именно режет, отсекая все лишнее, как скульптор.

Показываем сегодня несколько экслибрисов Евгения Лебедева.

В. Белков, писатель

ВСПОМИНАЯ В. ЛУКАШОВА

Недавно я подготовил материалы для сборника-альбома, посвященного творчеству известного московского художника Вячеслава Владимировича Лукашова. Но умерла и его жена, обещавшая подобрать иллюстрации для этого издания. С ее уходом это стало невозможным. И я решил опубликовать воспоминания друзей и коллег художника, которые любезно согласились ими поделиться. Сегодня предлагаю вашему вниманию статью художника Сергея Харламова, поскольку она имеет отношение и к вологодской земле.

Виталий Бакуменко

Л. А. ФРОЯКОВА

ТАК И ОСТАЛСЯ В ПАМЯТИ...

Славу Лукашова помню ещё со студенческих времён.

Мы не были ещё знакомы, но он обращал на себя внимание некой незаурядностью, что было выражено во всём его внешнем облике, и особенно — предобрейших глазах, спокойных и выразительных.

Знакомство произошло потом, гораздо позднее, и состоялось оно не где-нибудь, а в Ферапонтове, в столовой, где мы перекусывали. Любили мы в то время путешествовать, были романтиками, тем более, что это было доступно нашему небогатому, в общем-то, бюджету (карману).

Святые места Древней Руси влекли нас к себе, притягивали, как духовный магнит, к которому стремилось наше, жаждущее прикоснуться к чему-то прекрасному, высокому, вечному, сердце. Одними из таких излюбленных мест были Кириллов и Ферапонтово, да и сама Вологда.

Сколько знакомых лиц встречалось там неожиданно, радуясь друг другу. Смотришь, там идёт, в кругу женщин и приближённых, патриарх отечественной живописи Лактионов — высокий, с тёмной бородой и в шляпе. Или встречаешься с Николаем и Генриеттой Бурмагиными — они живут неподалёку от монастыря, у Ильинского озера, там, где деревянная церковь — с ними общаешься, зовут в гости...

А здесь, в простой столовой, сталкиваешься у окошка раздачи пищи со знакомым, которого знаешь только в лицо. Кивнули друг другу. Так состоялось знакомство со Славой Лукашовым.

Потом очередная встреча в только что образованном издательстве «Современник», в котором стали сотрудничать, как художники книги.

К метро шли вместе, вспоминали студенческие годы, поездку в Ферапонтово, вспоминали с благодарностью те благословенные места, и кто над чем работает, над какой книгой.

Мы были преданы гравюре, работали в этой технике. Делились опытом, как лучше шлифовать доску, а потом грунтовать её, как и чем наносить краску на подготовленную к работе поверхность доски, и на какой бумаге лучше печатать оттиски, и где её достать...

Долго стояли на улице, в метро не хотелось спускаться, — слишком людно. Декабрьский день был удивительно тих и спокоен, шёл мягкий снег; а на душе было спокойно, что удивляло. Как будто этот разговор был продолжением бесконечных предыдущих разговоров. А ведь это было наше первое, настоящее, общение. Расставаться не хотелось.

Работал он в мастерской вместе с художниками П. Барбашовым и В. Толстоноговым, которая находилась неподалёку от моего дома, и наши встречи продолжились. Потом стали постоянными.

Харламов С.

Многое что было: и шумные застолья, беседы об искусстве, о композиции, о золотом сечении, о смысле жизни и предназначении искусства.

Затем была поездка в Друскининкай, вместе с жёнами и моим сыном, и многое, многое другое. Но тот вечер так и остался в памяти единственным на всю жизнь, запал в сердце и душу, согревая её необычайно чистым и светлым взглядом моего друга, замечательного художника Вячеслава Лукашова.

СЕРГЕЙ ХАРЛАМОВ, Народный художник России.

Москва

Виталий БАКУМЕНКО

ЭКСЛИБРИСЫ ЕВГЕНИЯ ТЕРЕХОВА

Более скромного человека, чем известный русский художник Евгений Васильевич Терехов, мне не довелось встретить на жизненном пути. За четверть века дружбы с ним это впечатление только крепло. Вот яркий пример. На предложение написать автобиографию для каталога выставки художник написал:

«Терехов Евгений Васильевич. Родился 9 сентября 1924 года в Тульской области. Участник ВОВ. Окончил Московский полиграфический институт. Учился у профессора Гончарова. Первый экслибрис сделал в 1964 году. Всего сделал более 250 экслибрисов. Все они нарезаны на дереве.

Участник многих международных выставок. Персональный пенсионер. Заслуженный работник культуры РСФСР. Член Союза журналистов. 25.10.89.».

И это всё. Комментарии, как говорится, излишни.

Между тем, биография у этого человека была незаурядная и ему было о чем поведать ценителям искусства графики.

Евгений Васильевич Терехов родился на тульской земле в деревне Быковке. С 1928 года он жил в Туле, школьником в 1941 году принимал участие в обороне города. В 1942-м закончил среднюю школу и ушел на фронт. Принимал участие в составе артиллерийских частей в боях под Сталинградом, позже стал разведчиком. Боевой путь Е. В. Терехов завершил в Вене и был отмечен орденами Отечественной войны, Красного знамени и медалями.

После демобилизации в 1947 году Е. Терехов поступает в Московский полиграфический институт. Вся трудовая деятельность художника прошла в московских издательствах и журналах. Он работал художественным редактором, возглавлял художественный отдел. Яркий творческий след оставила деятельность Е. В. Терехова на посту Главного художника журналов «В мире книг» и «Здоровье».

Истинным призванием Евгения Терехова стала работа над экслибрисами. Художник был среди редких в наше время энтузиастов, которые гравировали на самшите. Эта могучая техника позволила художнику вырасти в крупного мастера.

Начав с суховатых иллюстративных композиций, Евгений Терехов со временем стал гравировать виртуозные, отточенные по мастерству знаки, отличающиеся композиционной

изобретательностью и техническим совершенством гравировки. Лучшие работы мастера отличаются четким, серебристым по колориту штрихом, ясностью сюжета. Художник смело стилизовал свои работы и цитировал в них мотивы старины, истории, искусства, фольклора, архитектуры. Особенно ему удавались этнографические мотивы и деревянное зодчество.

Евгений Терехов быстро добился успеха, поскольку его публицистические миниатюры во многих сюжетах сближались с политической графикой и были зачастую на злобу дня. Художник с оперативностью репортера откликался на полеты человека в космос, на события культурной, спортивной жизни, его волновали темы борьбы за мир, за будущее нашей планеты. Сделанные по движению души, экслибрисы художника получили широкое общественное признание. Ряд незаурядных работ мастера появился в центральной прессе.

Со временем в отдельную рубрику в творчестве московского графика выстроились знаки для зарубежных книголюбов и коллекционеров. Е. В. Терехов был первопроходцем в наведении культурных мостов дружбы с иностранными ценителями искусства графики. В Англии, Германии, Бельгии, Чехословакии, Болгарии, Венгрии пришлось по душе четкость и лаконичность композиционных решений в миниатюрах русского художника.

Характерно, что Е. В. Терехов в экслибрисах для зарубежных книголюбов запечатлел свои родные русские темы, в том числе и самую заветную, связанную с именем А. С. Пушкина. Русский художник не только разнообразно и новаторски увековечил образ великого поэта, но и запечатлел пушкинские места нашей Родины.

Наша публикация посвящается 80-летию со дня рождения художника Евгения Васильевича Терехова (1924–1985). Это первое появление в журнале «Автограф» поэтических произведений замечательного мастера ксилографии XX века.

ХУДОЖНИК КНИГИ И ЭКСЛИБРИСА

Известный художник-график и издательский работник Владимир Федорович Найденко принадлежит к поколению, принявшему на свои молодые плечи основную тяжесть войны. В начале войны он был учащимся Художественного училища в Саратове. В 1942 году весь их курс ушел на фронт. Под вражескими налетами они строили и восстанавливали разрушенные мосты, обеспечивая наступление наших войск.

На фронте и в послевоенной армейской службе (Владимир Найденко служил в армии до 1949 года) художник не расставался с карандашом и заветным альбомом, и каждую свободную минуту рисовал, делал наброски с натуры. Это позволило накопить бесценный материал. Художественное училище в Саратове Владимир Найденко успешно закончил после демобилизации.

Ко времени окончания училища Владимир Найденко профессионально определился как художник книги. Он поступает в Московский полиграфический институт, где прошел прекрасную школу у выдающихся мастеров А. Д. Гончарова, П. Г. Захарова, И. Н. Чекмазова. Учебу в институте Владимир Найденко совмещал с работой в книжных издательствах.

Более тридцати лет В. Ф. Найденко работал в издательствах Москвы, создав многие выразительные и своеобразные интерпретации литературных произведений, выработав собственный неповторимый стиль и почерк. Книжные иллюстрации В. Ф. Найденко всегда поэтичны и просты, что достигается при наличии вкуса и мастерства.

Литературная тематика главенствует и в станковых работах художника. Выполненные в путешествиях по пушкинским и лермонтовским местам графические листы художник сопровождает поэтичными путевыми очерками. Эти публикации всегда привлекают внимание новизной взгляда и зорко подмеченными подробностями. В этих зарисовках отражена поэтическая душа художника — романтика, страстного путешественника.

Сказал свое слово Владимир Федорович Найденко и в искусстве экслибриса. По тематике экслибрисы художника разнообразны и разноплановы. Ведущие, любимые мотивы — литература, природа, военная тематика. Художник прекрасно понимает природу и назначение книжного знака. Поэтому все его экслибрисы имеют оптимальные габариты — это всегда миниатюрные композиции.

Что касается техники исполнения, то и в этом вопросе художник подходит к решению задач гибко и продуманно. В каждом отдельном случае ему подсказывает вкус и особенности сюжета, в какой технике воплощать замысел. Порой это линолеум или пластик, но чаще всего художник отдает предпочтение гравюре на дереве.

В завершение статьи приведем высказывание об экслибрисном творчестве Владимира Федоровича Найденко известного московского художника и искусствоведа, уроженца вологодской земли Льва Федоровича Дьяконицына:

«Книжные знаки Найденко отличает мягкий живописный рисунок, качество декоративного клейма. Одни из этих знаков более книжны, другие тяготеют к газетной, промышленной графике, дизайнерству. Наиболее интересны и выразительны лирические знаки. Широкий, сочный штрих присущ и линогравюрным, и ксилографическим знакам, первый из

которых был создан еще до войны, в 1939 году. Экслибрисы Найдено получили известность, не раз демонстрировались на самых больших выставках у нас и за рубежом.

Это первая публикация экслибрисов В. Ф. Найдено в журнале «Автограф». Она посвящается 80-летию со дня рождения Владимира Федоровича Найдено.

*Виталий Бакуменко
Москва*

ВЛАДИМИРА КОМАРОВА

Стихи последних лет (2)

Сергей ОХАПКИН

КРЕЩЕНИЕ

Январь. Крещенские морозы.
Во дворе моем березы.
распушив на ветках иней.
смотрят в неба омут синий.
У крыльца кленок замерзший
молчаливо носик сморшил,
а рябина под окошком,
в снег засунув, греет ножку.
Хорошо мне! Я — у печки!
Дыма сизые колечки
от дешевой сигаретки.
Дремлет кот на табуретке,
у дверей зевает пес,
а на улице — мороз.
Запах кислых щей по дому.
Может быть кому другому
ближе всякие борщи...
ну а мне — милее щи:
из печи, из чугунка,
с хреном, долькой чеснока,
да под стопочку с соседом —
седобродым крепким дедом,
деревянной ложкой русской,
и с картошкой вприкуску...
... а все же стоило родиться.
А на улице под тридцать.
Ах, крещенские морозы!
Не владею тайной прозы,
потому — пишу стихами,
и неловкими штрихами
вас пытаюсь описать,
даль — прозрачна! Солнца злать...!
Воздух звончет! В небесах
отражаются леса...

Светлана ЧЕБЛАКОВА

Мы снова расстались. Уехала в Питер.
Нет, просто нелепо! Зачем?! Для чего?
На головоломку чернильную литер
Роняю и слезы свои и вино.
Мы в дальней разлуке.

Теперь между нами
Шестьсот километров
и целых три дня...
Я помню холодную речку с камнями...
А ты как, любимый?
Ты помнишь меня?

Андрей ТАЮШЕВ

Кто в лес ушел, кто — по гроба.
Все врозь мы разбрелись...
У каждого — своя судьба,
Такая штука — жизнь...
Давай, хлебом на посошок
И горе — не беда:
У нас от жизни нашей шок
Случился навсегда.

г. Вологда

Журнал ищет спонсоров

АВТОГРАФ

Литературно-художественный журнал

33

Обществ. совет: А. А. Грязев, В. С. Белков, Ю. П. Малоземов,
В. М. Бакуменко, Ю. М. Максин, А. А. Пошехонов, А. П. Смолин, М. А. Полетова,
М. А. Григорьев, Т. А. Лавтакова, Н. Т. Бушенев, К. А. Павлов, Н. Б. Шилова

Мнения авторов могут не совпадать с мнением редакции.
Адрес для писем: Вологда, ул. Ленина. 2. Союз писателей. Вячеславу Белкову

Сдано в набор 06.07.04. Подп. в печать 16.07.04.
Заказ № 610

Вологда
2004

20-00

33